

Рассуждение о причинах, побудивших Горация написать сатиру 3-ю первой книги

И. М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород
Серия "Литературные памятники"
СПб, "Наука", 2002
Scan [ImWerden](#)
[OCR Бычков М. Н.](#)

Август, довершив порабощение Рима, начатое Юлием Цесарем, умел сохранить власть свою притворным уважением к народной свободе и тщательным соблюдением наружностей в обрядах республиканского правления. Он царствовал, но под именами консула и трибуна, столь священными для римского гражданина и с коими сопряжены были все лестные воспоминания о славе и могуществе Империи. {Non regno tarnen, neque Dictatura sed Principis nomine constitutam Rempublicam. -- Tacit. Ann. Lib. I. IX. ("Однако государство управлялось именем не царя или диктатора, а принцепса" II Тацит. "Анналы". I, 9).}

В таком положении можно о нем сказать, что, не имея *двора*, он имел *придворных* и, не называясь *царем*, окружен был *царедворцами*. Что нужды, впрочем, до звания: где могущество, тут, наверно, и льстецы! В числе людей, составляющих челядь сию, были завистники Горация и Вергилия. Ума посредственного человек ничем так не оскорбляется, как преимуществами, которые дают дарования; и по сему заключить можно, что Вергилий и Гораций *оскорбили* не одного из тех, которые окружали Августа и Мecenата.

Но как придаться злословию к таким людям, которых ни в чем нельзя было укорить, которые не искали у Августа ни эдильства, ни преторства¹ и из коих один состязался только с Пиндаром, а другой восхотел и разделить с певцом богов венец, до которого, чрез тысячу лет, никто коснуться не смел? -- На злословие положиться можно: оно найдет, к чему привязаться.

Вергилий был неловок в обществе. Унылость его, коей отпечаток виден почти на каждой странице "Энеиды", казалась поверхностным наблюдателям угрюмостью. В шумной беседе, за столом у Мecenата, которую Август называл Mensa Parasitica, {трапеза прихлебателей (*лат.*).} где пустомели, наперерыв друг друга, старались вымолвить колкое словцо, он более отмалчивался; а иногда, выйдя из терпения, давал *параситам* сим чувствовать свое презрение.²

Такой человек не мог им нравиться. *Быть в милости у Августа и Мecenата и не уметь ценить наше общество! не участвовать в острых замысловатых наших разговорах! урод!* -- говорили они: и подлинно *урод!* -- только не в обыкновенном смысле слова сего. Между тем как подлые насмешники (не им замеченные, а другом его Горацием) насчет его перешептывались и шутили, соперник Омира мечтал: *смерть Дидоны; поражение Лауза; Мезеитово отчаяние; погребальный ход Палланта*; и, может быть, в то самое время, когда задумчивость его возбуждала улыбку кощунства, он составлял в воображении своем тот бессмертный, неподражаемый стих, которым в пяти словах он сказал, что последнее умирающее в благородной душе есть -- *Любовь к отечеству!* -- et dulcis moriens reminiscitur Argos. {и умирающему вспоминается милый Аргос (*лат.*).}³

К Горацию труднее было привязаться и наипаче опаснее зацепить его: сатира в руках его была орудие, от которого ненавистники его трепетали. Сколько умен, столько и ловок в обществе, чист и непорочен в домашней жизни; возможности не было злословию явно на него напасть, и для того прибегло оно к обыкновенному в таком случае способу язвить изподтиха, описывая его человеком хитрым, без правил, без веры, коего нравственные начала принаравливаются ко всяким обстоятельствам так, что на Филиппийских полях при Бруте он был республиканцем, а в Эксвилинском замке Мecenата ласкателем временщика и угодником единоначалия в особе Октавиана.

Я не отрицаюсь от пристрастия к Горацию: все те, которые занимаются исключительно каким-нибудь классическим автором, легко впадают в погрешность сию; а я, давно упражняясь в разборе законодателя вкуса, не избежал, конечно, общего жребия и утешаюсь только тем, что предпочтение мое к Горацию извинительнее, чем Бребефово к Лукану;⁴ но несмотря на то пристрастие мое не столько еще слепо, чтоб я захотел признаться в том, что весьма трудно совершенно оправдать Горация в непостоянстве политических его мнений. -- Сперва приверженец Брута и Кассия, потом, по истреблении их партии,